

АМЕЛИ НОТОМБ

АЭРОСТАТЫ | ПЕРВАЯ КРОВЬ

ПРЕМИЯ
РЕНОДО

PRIX
RENAUDOT

ПРЕМИЯ
СТРЕГА

ALTERNATIVE
STREGA

*Молодость — это талант,
и нужно время,
чтобы им овладеть.*

АМЕЛИ НОТОМБ

CoRpus

Амели Нотомб

Аэростаты. Первая кровь

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68317193
Аэростаты. Первая кровь: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-148149-0

Аннотация

Блистательная Амели Нотомб, бельгийская писательница с мировой известностью, выпускает каждый год по роману. В эту книгу вошли два последних – двадцать девятый и тридцатый по счету, оба отчасти автобиографические.

«Аэростаты» – история брюссельской студентки по имени Анж. Взявшись давать уроки литературы выпускнику лицея, она попадает в странную, почти нереальную обстановку богатого особняка, где ее шестнадцатилетнего ученика держат фактически взаперти. Чтение великих книг сближает их. Оба с трудом пытаются найти свое место в современной жизни и чем-то напоминают старинные аэростаты, которыми увлекается влюбленный в свою учительницу подросток. «Анж – это я в девятнадцать лет», – призналась Нотомб в одном из интервью.

«Первая кровь» – роман об отце писательницы, крупном дипломате, скоропостижно умершем в 2020 году. Оказавшись в заложниках у конголезских мятежников, молодой бельгийский консул Патрик Нотомб стоит перед расстрельным взводом в

ожидании казни и вспоминает каждую минуту двадцати восьми лет своей жизни – детство, юность, любовь. Амели как бы смотрит на мир глазами отца и, воспроизводя его исповедь, превращает ее в триллер. Роман отмечен во Франции премией Ренодо, а в Италии одной из главных литературных наград Европы – премией Стрега.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Аэростаты	6
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Амели Нотомб

Аэростаты. Первая кровь

Les Aérostats © Editions Albin Michel – Paris, 2020

Premier Sang © Editions Albin Michel – Paris, 2021

© И. Кузнецова, “Аэростаты”, перевод на русский язык,
2022

© И. Стаф, “Первая кровь”, перевод на русский язык,
2022

Аэростаты

Орианне

Я еще не знала, что Доната принадлежит к категории людей, обиженных на весь белый свет. От ее упреков мне делалось стыдно.

– Как можно оставлять ванную комнату в таком виде!

– Прости! Что не так?

– Я ни к чему там не прикасалась. Ты должна сама осознать.

Я отправилась в ванную посмотреть. Ни лужи на полу, ни волос в сливном отверстии.

– Не понимаю.

Она со вздохом подошла:

– Ты не задернула занавеску душа. Как она, по-твоему, высохнет, если висит гармошкой?

– А, да.

– И не завинтила флакон шампуня.

– Но это же мой.

– Ну и что?

Я послушно завинтила то, что называла про себя не “флакон”, а просто “шампунь”. Мне определенно не хватало утонченности.

Ничего, Доната меня научит. Мне всего девятнадцать лет.

А ей двадцать два. Я была в том возрасте, когда эта разница еще кажется значительной.

Постепенно я заметила, что она так ведет себя практически со всеми. Я слышала, как она по телефону обрывала собеседников:

– Вы считаете нормальным говорить со мной в таком тоне?

Или:

– Я не позволю так со мной обращаться.

И бросала трубку. Я спрашивала, что случилось.

– По какому праву ты слушаешь мои телефонные разговоры?

– Я не слушала, я слышала.

Когда я первый раз воспользовалась стиральной машиной, разыгралась целая драма.

– Анж! – закричала она.

Я явилась, готовая к худшему.

– Что это такое? – спросила она, указывая на белье, которое я развесила, где сумела.

– Я прокрутила машину.

– Мы тут не в Неаполе! Суши свои вещи в другом месте.

– А где? У нас ведь нет суши.

– Ну и что? Разве я развешиваю белье где попало?

– Тебе можно.

– Не о том речь. Это безалаберность, пойми. И не забывай, что ты в моем доме.

– Я же плачу за проживание, разве нет?

– Ах, значит, раз платишь, то можешь творить что угодно?

– Нет, серьезно, как я, по-твоему, должна поступать с мокрым бельем?

– На углу есть прачечная. С сушкой.

Я усвоила информацию, твердо решив больше никогда не пользоваться ее стиральной машиной.

Довольно скоро мы добрались вообще до параллельной вселенной.

– Объясни, будь добра, зачем ты переложила мои кабачки?

– Я не перекладывала твои кабачки.

– Не отпирайся!

Это “Не отпирайся!” насмешило меня.

– Ничего смешного! Пойди посмотри.

Она показала мне в холодильнике кабачки, лежавшие слева от моей брокколи.

– Ах да, – сказала я. – Мне пришлось их подвинуть, чтобы положить брокколи.

– Вот видишь! – воскликнула она, торжествуя.

– Мне же надо было куда-то положить брокколи.

– Но не в мой ящик для овощей.

– А другого нет.

– Ящик для овощей принадлежит мне. Не смей его открывать.

– Почему? – тупо спросила я.

– Это слишком интимно.

Давясь от смеха, я бросилась к себе в комнату, чтобы не расхохотаться при ней в голос. Однако она была права: ничего смешного. Доната оказалась феерической занудой, но деваться некуда: пытаюсь снять комнату, более выгодного варианта я не нашла. Мои родители жили слишком далеко от Брюсселя, чтобы я могла кататься туда-сюда.

В прошлом году я ютилась в жалкой конуре в студенческом общежитии для будущих филологов: ни за какие блага мира я бы не вернулась в это логово, где моим соседом был тошнотворный debil и где даже в его отсутствие стоял жуткий гвалт и днем и ночью, я не могла там ни спать, ни заниматься, что для студентки большая проблема. Не знаю, каким чудом я сумела окончить первый курс, но не собиралась так рисковать в дальнейшем.

У Донаты я жила в отдельной комнате. Вирджиния Вулф глубоко права: нет ничего важнее¹. Пусть не самая шикарная, комната эта была для меня такой роскошью, что я соглашалась терпеть все бесчинства Донаты. Она никогда ко мне не заходила – не столько из уважения к моему личному пространству, сколько из брезгливости. В глазах Донаты я воплощала “молодежь”: когда она обо мне говорила, у ме-

---

¹ Намек на эссе “Своя комната” (1929), где Вирджиния Вулф утверждает: если женщина собирается писать книги, ей нужны средства, чтобы не голодать, и отдельная комната. (Здесь и далее – прим. перев.)

ня возникало впечатление, будто я какая-то уличная оторва. Стоило мне прикоснуться к чему-то из ее вещей, как она тут же швыряла это в корзину с грязным бельем или в помойку.

В университете я особой популярностью не пользовалась. Студенты смотрели сквозь меня. Иногда, набравшись храбрости, я заговаривала с кем-нибудь из молодых людей или девушек, казавшихся мне симпатичными: они отвечали односторонне.

К счастью, я была страстно увлечена филологией. Проводить почти все время за чтением или учебной работой не было мне в тягость. Но иногда вечерами на меня нападала тоска от одиночества. Я выходила из дому и отправлялась бродить по Брюсселю. От городской кутерьмы у меня голова шла кругом. Меня поражали названия улиц: улица Волчьего Рва, улица Угольного Рынка, улица Селедки.

Я часто заходила в кино и смотрела первый попавшийся фильм. Потом возвращалась пешком, что занимало примерно час. Такие вечера, которые я считала полными приключений, мне нравились.

По возвращении надлежало вести себя очень тихо: малейший звук будил Донату. У меня имелись строгие инструкции: закрывать двери с бесконечными предосторожностями, не готовить еду, не спускать воду и не принимать душ после девяти часов вечера. Но даже скрупулезно соблюдая все это, я могла нарваться на нагоняй.

Может, у нее были неполадки со здоровьем? Не знаю.

Она утверждала, что ей требуется более длительный сон, чем среднему человеку. Список того, что вызывало у нее аллергию, рос с каждым днем. Она изучала диетологию и критиковала мою еду в таких примерно выражениях:

– Хлеб и шоколад? Не удивляйся, если заболеешь.

– Я здорова.

– Это тебе так кажется. Доживи до моих лет и увидишь.

– Тебе двадцать два, а не восемьдесят.

– Ты на что намекаешь? Как ты смеешь так со мной разговаривать?

Я уходила к себе в комнату. Для меня это был не просто плацдарм для отступления, это была территория безграничных возможностей. Окна выходили на угол бульвара: я слышала, как поворачивают трамваи с характерным скрежетом, который меня зачаровывал. Лежа в кровати, я воображала себя трамваем – не для того, чтобы именоваться Желанием², а чтобы ехать, не зная конечной точки маршрута. Мне нравилось не знать, куда я двигаюсь.

У Донаты был ухажер, который никогда не появлялся. Она рассказывала о нем с восторженным взглядом. Она приписывала ему столько добродетелей, что я как-то раз, не удержавшись, спросила, существует ли он на самом деле.

– Так прямо и говори, что я выдумываю.

– А где же он, твой Людо?

---

² Намек на название пьесы Теннесси Уильямса “Трамвай «Желание»” (1947).

– Пожалуйста, называй его Людовик. Терпеть не могу этих фамильярностей.

– Почему его никто видел?

– Говори за себя. Я-то часто с ним вижусь.

– Когда?

– На лекциях.

– Он изучает диетологию, как ты?

– Биохимию, а не диетологию.

– Когда ты говоришь о своей учебе, это всегда как-то связано с питанием.

– Ну, все сложнее. В общем, Людовик – человек невероятно тактичный. Он меня бесконечно уважает.

Из чего я сделала вывод, что он с ней не спит. Трудно было представить себе, что у Донаты есть какая-то сексуальная жизнь. Она никогда не касалась этой темы. Но одного того, что она не разрешала мне никого к себе приглашать, хватало, чтобы понять, насколько она закомплексована.

Пусть даже Людовик был, судя по всему, плодом ее фантазии – я все равно ей завидовала. Мне так хотелось, чтобы у меня кто-нибудь был. В прошлом году кое-какие не близкие, но все-таки друзья у меня имелись. Ничего интересного, но сейчас я и по ним тосковала, настолько мне было одиноко.

Я нуждалась в деньгах и опубликовала объявление, что даю старшеклассникам уроки французского языка и литературы.

– Анж! Тебя к телефону, – крикнула Доната.

В трубке я услышала мужской голос:

– Мадемуазель Донуа? Я прочел ваше объявление. Моему сыну шестнадцать лет. У него дислексия. Могли бы вы позаниматься с ним?

Я записала адрес. Мы договорились на завтра, на вторую половину дня.

Я приехала к четырем. Это был красивый городской особняк, из тех, что можно увидеть только в Брюсселе в богатых кварталах. Мне открыл мужчина, с которым я говорила по телефону. Выглядел он лет на сорок пять и явно занимал ответственный пост.

– Что такое филология? – спросил он меня.

– В Германии и Бельгии филология охватывает все науки о языке и предполагает владение латынью и древнегреческим.

– Почему вы выбрали эту специальность?

– Потому что Ницше был скорее филологом, нежели философом.

– Вы последовательница Ницше?

– У Ницше нет последователей. Это не мешает ему оставаться лучшим источником вдохновения.

Он очень серьезно посмотрел на меня и заключил:

– Очень хорошо. Вижу, вы девушка серьезная, то, что нужно моему сыну. Он умный мальчик, умнее многих. Его оценки по французскому языку и литературе меня огорчают.

Вы можете приходиться ежедневно?

Глаза у меня округлились. Я не ожидала такого плотного графика.

– Можете? Да или нет?

Он предложил плату, показавшуюся мне фантастической.

Я согласилась, прибавив:

– Важно, чтобы я понравилась вашему сыну.

– Еще чего! Вы само совершенство. Недоставало только, чтоб вы ему не понравились.

Он вручил мне конверт с деньгами и повел в гостиную, где ждал мальчик, сидя на полу по-турецки с отсутствующим видом. Он встал, чтобы поздороваться.

– Мадемуазель, позвольте представить вам моего сына Пия. Пий, это мадемуазель Донуа, она будет приходить к тебе каждый день и помогать со школьной программой по французскому языку и литературе.

– Каждый день? – с досадой воскликнул он.

– Не строй такую мину, обормот. Тебе это необходимо, чтобы сдать экзамен на бакалавра.

– На бакалавра? – переспросила я. – В Бельгии нет бакалавриата.

– Пий учится во французском лицее. Ладно, оставляю вас знакомиться.

Стоило отцу выйти, как сын сразу стал со мной вежлив чуть ли не до подобострастия. Мы сели за стол, где лежали его тетради.

– Расскажите о себе.

– Меня зовут Пий Руссер, мне шестнадцать лет, я швейцарец. Моего отца зовут Грегуар Руссер, он камбист.

Камбист. Я не знала, что такое камбист, но поостереглась это обнаруживать.

– Мы недавно переехали в Брюссель.

– А раньше жили в Швейцарии?

– Лично я там никогда не был. Я родился в Нью-Йорке, а в школе учился на Каймановых островах.

– Там есть школы?

– Назовем это так.

Я воздержалась от дальнейших расспросов насчет сомнительных сторон деятельности его отца.

– А ваша мать?

– Кароль Руссер, без профессии. Я единственный ребенок.

– Хорошо. У вас дислексия. Объясните.

– У меня не получается читать.

Мне показалось, что это какая-то бессмыслица. Я схватила первую попавшуюся книгу, “Красное и черное”, и вручила ему, открыв на первой странице:

– Почитайте вслух.

Катастрофа! Он спотыкался на каждом слове и в большинстве случаев произносил их наоборот.

– А про себя у вас получается читать?

– Не знаю.

– Как не знаете?

Его охватила дрожь.

– А чем вы интересуетесь?

– Оружием.

Я посмотрела на него с тревогой. Он заметил мое беспокойство и засмеялся:

– Не волнуйтесь, я против насилия. Я интересуюсь оружием, но у меня его нет. Люблю рассматривать красивое оружие в интернете: аркебузы, шпаги, штыки. Изучаю материалы на эту тему.

– То есть читаете?

– Да.

– Значит, читать вы умеете.

– Это совсем другое. Мне это интересно.

– Можно прочесть роман, который вас заинтересует.

Он недоуменно посмотрел на меня, давая понять, что таких романов не бывает.

– Какие книги вы проходили в средней школе?

Изумленное лицо, словно он не уловил суть вопроса.

Я сформулировала иначе:

– Вы помните, какие книги были в списке обязательного чтения?

– Обязательного чтения? Да они никогда не посмели бы!

Лексикон главаря мафии меня позабавил.

– Значит, за всю жизнь вы не прочли ни одного романа целиком?

– Ни даже частично. И что, я должен читать это? – выдохнул он, указывая на “Красное и черное”.

– Естественно. Это прекрасная классика, в самый раз для вашего возраста.

– И как мне это одолеть?

– Рецептов нет. Надо просто начать читать, и все.

– А вы на что?

– Вы ожидали, что я прочту это за вас?

– Вы ведь уже читали эту книгу, правда? Почему бы вам не пересказать ее мне?

– Потому что пересказ не заменит вам чтения. И хорошо, что не заменит. Это же такое удовольствие читать Стендаля!

В его взгляде я прочла, что у меня не все в порядке с мозгами.

Урок длился слишком недолго. Я немножко потянула время.

– Вас зовут Пий, очень красивое имя. Вы первый человек с таким именем, которого я встречаю.

– Я бы предпочел без и краткого на конце.

– Любите математику?

– Обожаю. Это хотя бы умно.

Я проигнорировала наезд.

– Занятно, имя Пия еще встречается, а мужская форма – нет. Наверно, из-за последнего римского папы, которого так звали.

– Вы о чем? – спросил он с презрением, которое я как бы

не заметила.

– Пий Двенадцатый – это вам ни о чем не говорит? Он был папой во время Второй мировой войны. И не только не протестовал против Холокоста, но чуть ли не одобрял его.

– Меня назвали не в честь этого типа.

– Догадываюсь. Пий – значит “благочестивый”. Вы молитесь?

– Посмотрите на меня хорошенько!

Я встала.

– На сегодня достаточно, – сказала я. – К следующему разу прочтите, пожалуйста, “Красное и черное” до конца.

– Мне на это понадобится несколько недель! – воскликнул он.

– Ваш отец хочет, чтобы я приходила каждый день. Теоретически вам надлежало бы прочесть это к завтрашнему занятию. Не вижу тут ничего невозможного.

– Погодите! – запротестовал он. – Я в жизни не прочел ни одной книжки, и вы хотите, чтобы я осилил такой кирпич до завтра?

Возражение показалось мне логичным.

– Хорошо, я приду послезавтра. До свидания.

Я оставила его в подавленном состоянии, он со мной даже не попрощался.

Отец перехватил меня в вестибюле:

– Bravo! Вы здорово держались! Наглость этого мальчиш-

ки меня бесит.

– Вы подслушивали?

– Разумеется. Большое зеркало в гостиной – одностороннее. Я все вижу и слышу из своего кабинета.

– Это неприятно.

– Я делаю это, чтобы вас защитить.

– Я не чувствую себя в опасности. Ваш сын против насилия, вы же слышали.

– Мне хотелось посмотреть, как вы за него возьметесь. Теперь я вам полностью доверяю. Единственное, с чем я не согласен: вам не следовало уступать насчет Стендаля. Надо было, чтобы он прочел его к завтрашнему дню.

– Пий за всю свою жизнь еще не прочел ни одной книги, а вы хотите, чтобы он проглотил “Красное и черное” за день? Его довод показался мне убедительным, и я не жалею, что уступила. Иначе у него может навсегда выработаться отвращение к чтению.

– С этим мальчиком нужна твердость.

– Вы не находите, что я ее проявила?

– Да, вполне.

– Он знает, что вы подслушиваете и подглядываете?

– Нет, конечно.

– По правде говоря, я бы предпочла, чтобы в дальнейшем это не повторялось.

Моя дерзость ошеломила меня саму и явно очень не понравилась отцу моего подопечного. Он ничего не ответил. Я

поняла, что он намерен и впредь поступать, как ему заблагорассудится. Он проводил меня к выходу и назначил следующую встречу на послезавтра.

Повернув за угол, я вскрыла конверт и пересчитала купюры. “Серьезно человек подошел к делу!” – подумала я, ликуя.

Вечером я не могла отделаться от странного ощущения, которое вызвали у меня эти двое. Мне было сложно его проанализировать.

Я старалась не принимать в расчет весьма нетривиальную информацию, которую сообщил мне Пий о своей прошлой жизни. Но и без этого они оба, и отец и сын, каждый на свой лад, были в высшей степени загадочными персонажами.

Манеры Грегуара Руссера были до крайности неприятны; то, что он позволил себе без предупреждения шпионить за нами во время урока, меня возмутило. Вдобавок что-то отталкивало меня в нем самом, но я не могла определить это словами.

В мои обязанности входило заниматься не с отцом, а с сыном. Я сочувствовала ему. Понимала, как ему трудно. Шестнадцать лет – само по себе испытание, и еще какое, а уж тем более когда ты прибыл с Каймановых островов в Брюссель, город, чье гостеприимство вечно преувеличивают. За всю жизнь он не прочел ни одной книги! Винить в этом школьное образование казалось мне упрощением. Разве родители не могли его к этому подтолкнуть? И почему папаша, который

хотел, чтобы сын прочел “Красное и черное” за одну ночь, не догадался за шестнадцать лет приобщить его к радостям чтения?

Я была всего на три года старше Пия, и у меня это произошло совершенно естественно. Мама читала мне сказки Перро, сидя у моей кровати, и подразумевалось, что со временем я сама освою эти колдовские письмена. С восьми лет я пристрастилась к погружениям в волшебный мир разных чудодеев – Гектора Мало, Жюль Верна и графини де Сегюр. Путь был открыт, школе оставалось лишь двигаться в том же направлении.

“Сейчас он, видимо, как раз читает”, – сказала я себе, думая о Пие. На каком он месте? Отождествляет себя с Жюльеном или презирает его? Он так явно не в ладу с самим собой! Обычное дело, кризис переходного возраста, или что-то другое?

Внешне он не красавец, но при этом совсем не урод, просто худой и нескладный, как все подростки. Похож ли он на отца? Мне показалось, что нет. Судя по некоторым признакам, отца он не любил. Тут я его понимала!

Через день Пий встретил меня с подчеркнутой вежливостью, которую демонстрировал в отсутствие отца. Я села на диван и указала ему место рядом с собой.

– Вы прочли “Красное и черное” до конца?

– Да.

– Ну и как?

– Я прочел. Вы ведь этого от меня требовали?

– Да. И что вы думаете?

– А я должен еще что-то думать?

– Как же иначе.

– Что вы называете словом “думать”?

– Вам понравилась книга?

– Нет! Нет, конечно!

– Почему конечно?

– Потому что я мог бы потратить это время на кучу более стоящих вещей.

– Например?

– Да хоть на математику.

– Согласитесь, что это не есть фундаментальная причина, позволяющая считать книгу плохой.

– Вы хотите фундаментальную причину? Так бы и говорили. Я считаю книгу плохой, потому что это литература для девочек.

– Жюльен Сорель не девочка, и Стендаль тоже.

– Сразу чувствуется, что эта история адресована девушкам. Стендаль хотел, чтобы читательницы влюбились в Жюльена Сореля.

– Да будет вам известно, что и многие читатели влюбились в Жюльена.

– Разумеется. Пидоры.

– Не только.

– Я, во всяком случае, – нет. Мне этот тип отвратителен.

– Попробуйте обосновать свое отношение.

– Он противный!

– Понимаю вашу точку зрения.

– Вы думали, книга мне понравится?

– Я ничего не думала.

– А вам она нравится?

– Это одна из моих самых любимых книг.

– Значит, вам нравится и Жюльен?

– Не уверена. Любить роман не значит обязательно любить его персонажей.

– Вам нравится сама история?

– Да.

– Как она может вам нравиться? История про непомерные амбиции, что само по себе ничтожно, и вдобавок амбиции эти рушатся по совершенно нелепой причине.

– Вы выносите моральную оценку. Любовь к книге тут ни при чем.

– А что при чем в конечном счете?

– Удовольствие, которое мы получаем от чтения.

– Я никогда не смогу получать удовольствие от чтения.

– Вы пока не знаете. Эта книга удовольствия вам не доставила. Возможно, другая доставит.

– Какая?

– Не знаю. Найдем.

Внезапно, повинуясь интуиции, я взяла книгу Стендаля,

лежавшую на низком столике, открыла ее наугад и протянула Пию:

– Почитайте вслух.

– Я же сказал, мне книга не нравится! – возмутился он.

– Не в этом дело.

Он сердито вздохнул и повиновался. Из протеста он нарочно тараторил, читал механически, без всякого выражения.

– Очень хорошо, – остановила его я.

– Ну и что вам это дало? – спросил он.

Я не ответила и поднялась, чтобы осмотреть книжные полки.

– Тут столько книг, и у вас ни разу не возникло желания в них заглянуть?

– Чистая показуха. Моя мать наверняка тоже их не читала. А отец – поди знай.

– Почему бы их не спросить?

Он хмыкнул.

Я наткнулась на “Илиаду”. Взяла ее и вернулась на диван.

– Вот ваше следующее чтение.

– Это что?

– Гомер. Вы никогда о нем не слышали?

– Что-то старое?

– Это еще слабо сказано. Вы говорили, что увлекаетесь оружием. Это про войну.

– Сколько времени вы мне даете на чтение?

– Трудно определить точно. Позвоните, когда дочитаете.

Он посмотрел на меня как на конченную кретинку. По его глазам я ясно увидела, что пронеслось у него в голове: “Я ведь могу не позвонить тебе никогда, дура несчастная!” Я понимала это, но решила, что стоит рискнуть.

Выходя, я, как и опасалась, столкнулась с отцом, который затащил меня к себе в кабинет и высказался без церемоний.

– Можно узнать, что за игру вы затеяли? – спросил он.

Я, не растерявшись, ответила:

– Вы слышали, как ваш сын читал вслух?

Он задумался.

– Вы заметили прогресс? Он вообще ни разу не запнулся.

И не переставлял местами слоги.

– Он очень плохо читал, бубнил как пономарь!

– Вы поручили мне избавить вашего сына от дислексии, а не обучать его художественному чтению.

– Да, вы правы. Но сколько времени у него уйдет на то, чтобы прочесть “Илиаду”? Он посмеется над вами!

– А мы посмотрим. По нашему договору я должна помочь Пию по языку и литературе, и я вижу, что у меня это получается. Кроме того, повторяю: я бы предпочла, чтобы за мной не наблюдали во время занятий.

Грегуар Руссер вручил мне гонорар. Я откланялась.

“Илиада” – на что я рассчитывала? Взяла и пошла ва-банк.

“Ну это хоть не похоже на «Красное и черное»”, – думала я.

Я перечитала у себя в комнате начало “Илиады”, которое с благоговейным трепетом переводила на занятиях по древнегреческому в пятнадцать лет. “Вряд ли можно надеяться, что это произведет на Пия такое же впечатление!”

Как зачарованная, я стала читать дальше. Довольно скоро я сообразила, что мальчишка, вероятно, читает сейчас те же строки, и вдруг так разволновалась, что бросила чтение.

“В конце концов, меня наняли, чтобы справиться с его дислексией, и дело уже почти сделано”, – говорила я себе. Понадобилось всего лишь заставить его прочесть книгу целиком. Меня вдруг охватила ярость при мысли, что никто до сих пор не посоветовал ему столь очевидный способ. Как можно научиться читать, иначе как читая? Хоть бейся головой об стенку, ничего не получится.

Последнее время в прессе много писали про эпидемию дислексии. Мне кажется, я понимала причину. Мы живем в дурацкую эпоху, когда заставить ребенка прочесть роман от начала до конца – это чуть ли не посягательство на права человека. Я всего на три года старше Пия. Как я уцелела в этой вселенской катастрофе? Родители воспитывали меня просто, не прибегая ни к каким специальным методам. Для меня загадкой были подростки, у которых книги не вызывали естественного любопытства. Винить в этом интернет или видеоигры мне казалось таким же абсурдом, как взваливать

на какую-нибудь телепередачу ответственность за равнодушные молодежи к спорту.

– Как твои частные уроки? – спросила Доната.

Я объяснила в меру своих сил. Она скорчила брезгливую гримасу:

– Да этот тип просто извращенец, подглядывает за вами из кабинета!

– Я тоже так считаю. Я пыталась возражать, но ему плевать.

– Почему ты не бросишь?

– Он хорошо платит. И парень занятный.

– Ты не влюбилась, надеюсь?

– Ему шестнадцать лет!

Доната расхохоталась.

– Ну, успокоила! – заявила она с таким ехидством, что я с трудом подавила искушение съездить ей по физиономии. – Когда у тебя следующее занятие?

– Не знаю. Он позвонит, когда прочтет “Илиаду”.

– Давай-давай, жди. Парень едва умеет читать, а ты ему сунула “Илиаду”? Ты хочешь его унижить!

– Ему не понравилось “Красное и черное”.

– Поэтому он полюбит Гомера! Не понимаю твою логику.

Тут я была с ней согласна. Но чтобы последнее слово осталось за мной, тупо сказала:

– Это гарантирует мне несколько дней покоя.

Грегуар Руссер позвонил на следующее утро:

– Мой сын дочитал “Илиаду”. Приходите сегодня в обычное время.

Я была ошарашена и заподозрила жульничество. Я отправилась в универ в отвратительном настроении. День тянулся бесконечно. Даже преподаватель этимологии, которой я всегда увлекалась, показался мне нудным.

В четыре часа я пришла в их красивый особняк. Мой ученик лежал на полу, но мгновенно вскочил, чтобы поприветствовать меня. Я подумала, что он, наверно, наглотался чего-то: у него был блуждающий взгляд.

– Здравствуйте, Пий!

– “Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...”³

– Вы выучили “Илиаду” наизусть?

– А что, стоило бы! Мне страшно понравилось!

Он был почти в трансе. Я взгляделась в его зрачки – они выглядели нормальными.

– Вы прочли все до конца?

– Конечно! Это супергениально! Наконец-то грандиозная история с настоящим размахом.

– Можно так это выразить, да.

– Не то что ваш Стендаль и его шуры-муры в спальне. В Америке про “Илиаду” сказали бы *It's bigger than life!*⁴

Я засмеялась. Потом, заподозрив обман, спросила:

---

³ Цитируется в переводе Н. И. Гнедича.

⁴ “Это больше чем жизнь!” (англ.)

– Вам ни разу не было скучно во время чтения?

– Было, в самом начале. Через описание греческого флота я еле пробился. Такое впечатление, словно автор благодарит своих спонсоров.

– Не было их у него!

– Догадываюсь. Называйте как угодно. Но он переборщил с кораблями и с этим *name dropping*⁵. Правда же, как будто перед ним лежит список и все знаменитые греческие кланы потребовали их упомянуть, чтоб потом хвастаться. “Почитайте «Илиаду» и увидите: мой старикан участвовал в Троянской войне!”

– Но это все-таки красиво – подобное восславление кораблей.

– Мне кажется, это еще и способ привлечь внимание к неоднозначной роли Посейдона. Он единственный из богов в свое время помогал троянцам, строил стену для защиты города. Он вполне мог бы устроить бурю и отправить греческий флот на дно.

– Но тогда не было бы войны. А боги хотели, чтобы была война.

– Да, будто им доставляет удовольствие смотреть, как смертные дерутся. Но их можно понять: рассказ о битвах захватывающий и великолепный. Единственное, что раздражает: чувствуется, что Гомер за греков.

---

⁵ Неймдроппинг (*англ.*), использование громких имен, товарных марок и т. п., чтобы поднять свой престиж в глазах собеседника.

– Он грек.

– Ну и что? Я не троянец, но я за них.

– Вы прочли предисловие к “Илиаде” Жана Жионо?

– Я похож на человека, который читает предисловия? И так ясно, что греки сволочи.

– Они хитрые.

– Они подлые. Ненавижу их. А троянцами я восхищаюсь, особенно Гектором.

– Что вам в нем нравится?

– Он благородный, храбрый. И у нас с ним есть кое-что общее: он астматик.

– В тексте нет слова “астма”.

– Да, но описание приступа ясно говорит об этом. Я узнал симптомы. И я понимаю, что у него аллергия на греков!

– Однако греки тоже кое-чем интересны. Одиссей, например.

– Одиссей? Мерзавец! Финт с Троянским конем – какая низость!

– Бойся данайцев, дары приносящих.

– Вот именно! Сыграть на вере других людей, придумать псевдоперемирие – тошнит меня от вашего Одиссея.

– Это война.

– Ну и что? Не все средства хороши.

– Тогда не было Женевской конвенции.

– Троянцам и в голову не пришло бы совершить такую ужасную вещь.

– Да. Поэтому они терпят поражение.

– Плевать. Правда на их стороне.

– А Ахилл вас не восхищает?

– Этот вообще выродок. Карикатура на американского вою. То, что нам подается как храбрость, – просто тщеславие дурака, который настолько уверен в покровительстве богов, что считает себя неуязвимым.

– Плач над телом Патрокла вас не тронул?

– Гротеск! Все тот же американский *warrior*⁶, который пачками мочит врагов без малейших угрызений совести, но не может смириться с тем, что убили одного из его людей.

– Его лучшего друга, вы хотите сказать.

– А он? Скольких лучших друзей троянцев убил он сам?

– Но глубина его дружеских чувств потрясает!

– Нет. У негодеев тоже бывают лучшие друзья, вот и все.

– Я вот думаю, не слишком ли близко к сердцу вы приняли дело троянцев?

– Я же сказал, что полюбил Гектора. Я ассоциирую себя с ним. Читая “Красное и черное”, я не мог отождествлять себя с Жюльеном – и тем более с женщинами. А с Гектором это произошло само собой.

– Надеюсь, не только из-за приступа астмы.

– Нет, конечно. Там есть много примеров его благородства. Но в астме проявляется его отвращение. И мне это знакомо.

---

⁶ Воин, вояка (англ.).

– Слушайте, я очень довольна. Вы прочли “Илиаду” так, как никто из мне известных людей. Это настоящее чтение.

– Да. К сожалению, “Илиады” нет в программе по французской литературе.

– Есть теория, согласно которой всякий роман по сути своей – это или “Илиада”, или “Одиссея”. Так что о лучшей подготовке и мечтать нельзя.

– Похоже, мне придется читать “Одиссею”?

– Конечно. Не хмурьтесь. Вам же так понравилась “Илиада”!

– “Одиссея” – это про Одиссея. А у меня на него зуб, я же говорил.

– В “Одиссее” совсем другой Одиссей. Впрочем, не важно, вы так заинтересовали меня своей реакцией на “Илиаду”, что мне теперь хочется узнать, как вы воспримите “Одиссею”.

– Поделом мне!

Я засмеялась и вышла. Как я и опасалась, отец поймал меня у выхода.

– Месье, мне неприятно, что вы шпионите за нами во время уроков, – заявила я резко.

– А я в себя не могу прийти от того, что услышал. Когда сын сказал мне, что прочел “Илиаду”, я решил, что он врет.

– Видите, не так плоха была моя идея.

– Да, признаю.

– Значит, вы можете мне доверять и перестать следить за нами.

– Я не вам не доверяю, мадемуазель.

– Если бы ваш сын знал, что вы тайком присутствуете на наших занятиях, он бы взбесился. И я бы его поняла.

– Я всей душой люблю Пия.

– Странное проявление любви.

– Запрещаю вам судить меня!

– Вы, однако, позволяете себе судить меня. Я не забыла, что вы мне вчера сказали. Вы говорили со мной как с невменяемой.

И я покинула особняк с высоко поднятой головой, не подав и виду, что накануне, когда я отсюда выходила, я тоже считала себя невменяемой.

Прошло четыре дня, прежде чем месье Руссер снова мне позвонил.

Я пришла во второй половине дня в назначенное время. Дверь мне открыл Пий. Он провел меня в гостиную с той чрезмерной любезностью, которая меня коробила, но, по счастью, исчезала, когда он начинал говорить.

– На “Илиаду” один день, а на “Одиссею” четыре. Почему так?

– Я устал. Не спал всю ночь, читая “Илиаду”.

– Понимаю. А еще?

– Мне понравилась “Одиссея”. Но все-таки меньше, чем

“Илиада”. Это всего лишь история одного человека.

– Ошибаетесь.

– Ну да, согласен, есть его спутники, жена, сын. Персонажи второго плана. А “Илиада” – это не история Ахилла. Это история противостояния между народами.

– На самом деле вы просто не любите Одиссея.

– Да, правда. Нельзя любить одновременно и Гектора, и Одиссея.

– Вы же не будете одержимы Гектором вечно.

– Почему бы и нет?

– Ладно. Гектор погиб в предыдущей серии. Перевернем страницу. Чем вам не мил Одиссей?

– Он врет, как дышит!

– Нет. Он не врет, а пускается на хитрости. Иначе смерть.

– Лучше б он умер.

– Если б он умер, не было бы “Одиссеи”.

– Мне хватает “Илиады”.

– Слушайте, в прошлый раз вы просто блистали, а сейчас говорите чепуху.

– Сожалею. Я люблю истории про войну. Я бы ни за что не хотел пережить войну в реальности, но в литературе – как же это здорово! Без войны литература превращается в историю любви и амбиций.

– В “Одиссее” не только любовь и амбиции, там много чего есть.

– Да. Сюжет с циклопом мне очень понравился.

– А, все-таки!

– Но я считаю, что Одиссей гнусно поступил с Полифемом.

– Лучше бы он позволил ему сожрать себя и своих спутников?

– Ну, допустим, вы правы. Хотя Полифем мне симпатичен, и я ему сочувствую. Но вы же не станете утверждать, что Одиссей хорошо поступил с Навсикаей!

– Он не сделал ей ничего плохого!

– Шутите! Он стоит перед ней голый и держит пылкую речь – перед неопытной девушкой, которая еще ничего не знает о жизни, – а потом, когда ее отец дал ему корабль, он ее бросил.

– Он должен был вернуться к жене.

– Хватился, очень вовремя вспомнил о жене! А что станет с бедной Навсикаей?

– Никогда бы не предположила, что вы станете сострадать девушке.

– Скажите прямо, что считаете меня толстокожей скотиной.

– Вы очень интересный читатель. Если я правильно понимаю, то мне следует предлагать вам только книги про войну.

– А вы сами чем занимались эти четыре дня?

– Я студентка, мое ежедневное занятие – учеба. Тут нечего особо рассказывать.

– У вас есть друг?

– Это вас не касается.

– У меня подружки нет, и я вам это говорю.

– Я не обязана поступать так же.

– Не стройте из себя училку. Отец сообщил мне, сколько вам лет. Вы всего на три года старше меня.

– Ваш отец платит мне не за то, чтобы я вела с вами подобные разговоры.

– Вы приходите сюда ради денег?

– А вы думали, ради ваших прекрасных глаз?

– Вы злюка.

– Вы ничего не сказали о возвращении Одиссея на Итаку.

– По-моему, номер с луком – сексуальная метафора, к тому же грубоватая.

– Скорее во французском варианте, нежели в древнегреческом.

– Вы читали это на древнегреческом?

– Я филолог.

– На самом деле вам не девятнадцать лет, вам восемьдесят.

– Совершенно точно. Что еще вам понравилось в возвращении Одиссея на Итаку?

– Честно говоря, я не в восторге от этой части.

– Одиссея узнал его старый пес и от волнения умер – вас это не тронуло?

– Нет. Это попросту нереально. Собаки так долго не живут.

– Не нужно зацикливаться на подобных мелочах. Когда Гомер говорит, что Одиссей отсутствовал двадцать лет, это фигура речи.

– Хорошо, что я уже дочитал до конца. Такими соображениями вы бы отвратили меня от Гомера, я не стал бы даже открывать книгу.

– Гомер впервые собрал песни, принадлежавшие устной традиции. Он наследник аэдов, сказителей, и придерживался их приемов, в числе которых вольное обращение с хронологией.

– Местами видны уловки, нацеленные на то, чтобы завладеть вниманием слушателей. Например, ритм чередования эпизодов. Каждое приключение длится определенное количество строк – чтобы довести действие до высшего накала. Потом передышка. Публика может идти в сортир.

Я засмеялась:

– Тонко подмечено. “Илиаду” и “Одиссею” приказал записать тиран Писистрат. Это была колоссальная издательская эпопея, беспрецедентная, революционная. Аэды бушевали, кричали, что навеки извращено прекраснейшее творение всех времен. И хуже всего, что они, вероятно, были правы. Возможно, текст действительно много потерял оттого, что был закреплен. Но если бы этого не произошло, сегодня от него и следа бы не осталось.

– Тогдашние читатели его бойкотировали?

– Напротив.

– Как это можно узнать? Заглянуть в топы продаж пятого века до нашей эры?

– Нет. Но есть свидетельство более показательное. Вместе с этим изданием родилась литературная критика. И нашелся критик по имени Зоил, который заявил, что Гомер был посредственным борзописцем. Так вот, народ поймал Зоила и повесил.

– Какая прелесть!

– Ладно. Прочтите мне вслух эпизод с лотофагами.

– Почему именно этот?

– Я его очень люблю.

Я протянула ему “Одиссею”, открытую на нужной странице. Пий прочел, по-прежнему монотонно, но без единой запинки.

– Нет у вас больше никакой дислексии. Моя миссия окончена.

Мальчик опешил.

– Ваш отец нанял меня, чтобы решить проблему дислексии. Вы от нее излечились.

– Вы мне нужны, чтобы сдать экзамен!

– Бросьте! Я совершенно вам не нужна. Вы прочли “Илиаду” и “Одиссею” очень талантливо. Вы говорите об этом так, как мало кто из взрослых способен говорить.

– Ни “Илиады”, ни “Одиссеи” в программе нет.

– Черт с ней, с программой! Кто может больше, тот может и меньше. Если говорить честно, для современного читателя

Гомер труднее, чем Стендаль.

– Я другого мнения.

– Это не вопрос мнения. Это объективный факт.

– Ладно, я понял. Вам надоело со мной возиться.

– Вовсе нет. Просто не хочу вести себя непорядочно.

– Тут нет ничего непорядочного! Не бросайте меня, пожалуйста.

Тон его был напористым и умоляющим одновременно.

– Не понимаю. Я вас явно раздражаю. Вам потребовалось четыре дня, чтобы мне позвонить, хотя я должна, в принципе, приходить ежедневно.

– Извините меня. Такое больше не повторится.

– Вам не за что извиняться. Ваше поведение казалось мне логичным. Это сейчас я перестаю вас понимать. Зачем, собственно, я вам так уж нужна?

– Вам удалось пробудить во мне интерес к литературе.

– Да. И это уже произошло.

– Нет. Если вы уйдете, все пропало.

Я смотрела на него в замешательстве. Его отчаяние поразило меня. Первый раз в жизни я читала в чьем-то взгляде, что человек остро нуждается во мне.

Взволнованная, хоть и раздосадованная, я сказала, что приду завтра.

– Спасибо, – ответил он и бросился вон из комнаты.

Что за безумная семейка, думала я, выходя. И не успела

подумать, как путь мне преградил Грегуар Руссер с сияющим взглядом.

– Bravo, мадемуазель.

“Я и забыла про этого психа”, – отметила я про себя.

– Ловкий маневр.

– Вы о чем?

– Мой сын вел себя недопустимо дерзко. Вы отлично поставили его на место.

– Ваш сын не более дерзок, чем все в этом возрасте, у меня не было необходимости обороняться. Он больше не страдает дислексией, не понимаю, почему он утверждает, что нуждается в моих услугах.

– Он прав, по французской литературе он тупица.

– Он прекрасно говорит, читает лучше, чем большинство людей.

– Потому что вы его стимулируете.

– А почему вы сами его не стимулируете?

– У меня нет времени.

– Время подсматривать за нашими уроками у вас есть, а поговорить с Пием – нет?

Он вздохнул:

– У нас с ним трудности в отношениях.

– Может быть, этим и надо заняться в первую очередь?

– Послушайте, экзамены на носу. Глубинную психологию отложим до лучших времен.

– В отношениях с матерью у вашего сына тоже трудности?

– Нет. Ничего подобного.

– Тогда почему бы ей не увлечь его чтением?

Он усмехнулся:

– Как бы вам объяснить... Увлекать не ее талант.

Я почувствовала его презрение и вдруг осознала, до какой степени ненавижу этого человека. Не потому ли он протянул мне в этот миг конверт с гонораром?

– Я посчитал вам и за пропущенные четыре дня.

– Не стоило, – запротестовала я.

– Нет, стоило. В вашем графике это время закреплено за нами. Наш маленький паршивец повел себя с вами крайне некорректно.

– Я не нахожу ничего странного в том, что ему понадобилось четыре дня, чтобы прочесть “Одиссею”.

– Он мог позвонить вам и не дочитать до конца. Вы помогаете нам больше, чем вам кажется, мадемуазель.

“Нам?” – подумала я. Но желание поскорее уйти взяло верх. На улице я наконец вздохнула полной грудью.

Этот урок настолько выбил меня из колеи, что мне почти полегчало от допроса Донаты.

– Мальчик влюбился в “Илиаду”. Он прочел ее за сутки и говорил о ней просто блестяще и очень необычно.

– Поэтому у тебя такая кислая мина?

Я рассказала ей, что было дальше. Она скривилась:

– Какой отвратный папаша!

– Да уж.

– Камбист – это кто?

– Я посмотрела в словаре. “Специалист по валютным операциям в банке”. Думаю, у этого слова должно быть и менее респектабельное значение. Этот тип ужасно богат, он смердит. Он провел пятнадцать лет на Каймановых островах.

– Это пахнет махинациями, лучше тебе свалить от них.

– Если б не мальчишка, я бы так и поступила. Сегодня он умолял меня остаться, и я почувствовала в нем настоящее отчаяние. Это не похоже на каприз избалованного ребенка.

– Он тебе нравится, да?

– Да нет. Но он мне интересен, и он трогательный.

– Вряд ли в тебе говорит материнский инстинкт, по-моему, ты слишком молода для этого.

– Есть и другие виды привязанности, помимо любви и материнского инстинкта, представь себе.

– Неужели? Какие же?

– Дружба. Любопытство.

– Любопытство – вид привязанности?

– В данном случае да.

Теперь я ежедневно, кроме выходных, ходила к Руссерам. Поскольку я больше не должна была бороться с дислексией, я позволяла себе иногда разговаривать с ним о посторонних вещах. За это мне приходилось выслушивать замечания его

отца:

– Ваша беседа о дирижаблях, как мне показалось, имела мало отношения к литературе.

– Все может иметь отношение к литературе.

– Разумеется. Но вы рассматривали эту тему не под литературным углом.

– Вы сказали, что вашего сына нужно стимулировать. Доверьтесь мне.

– Я вам доверяю.

– И поэтому продолжаете за мной шпионить?

– Я не за вами шпионю, а за ним.

– Чего вы опасаетесь?

– Неуважительного поведения по отношению к вам.

– Мы уже говорили об этом. Я способна постоять за себя.

Настоящее неуважение – подсматривать.

– Мадемуазель, это не обсуждается.

Я с трудом выносила его, зато намного лучше ладила теперь с Пием, который казался мне с каждым днем все интереснее.

Он действительно много рассказывал мне о дирижаблях. И сетовал на их почти полное исчезновение.

– То, что они дорого стоят, для меня не довод. Авиация, исследования космоса – все это тоже стоит дико дорого. На самом деле их забросили потому, что они огромные и это создает массу сложностей, главным образом на земле. Вы представляете себе размеры ангара для цеппелина? Ведь это

должно быть что-то поразительное. Хотелось бы увидеть такую громадину в ангаре.

– Это вроде бы возможно.

– Я узнавал. Дирижабли служат теперь исключительно для рекламы, и нужно обращаться в агентства по коммуникациям. По-моему, это мрак.

– Они легко воспламеняются, да?

– Да. Это еще одна проблема аэростатов, у которых проблем действительно много: непрочные, дорогие, громоздкие. Но они такие красивые, эти летучие киты, бесшумные и грациозные. В кои-то веки человек изобрел что-то поэтичное!

– Ваше пристрастие к ним связано с интересом к оружию?

– Не вполне. Военное применение цеппелинов обернулось провалом. Такой деликатный летательный аппарат мог использоваться только в мирное время. Но то, что его сослали к рекламщикам, меня огорчает. Я мечтал бы создать агентство дирижаблей. В идеале я бы управлял ими сам. У меня бы их арендовали для путешествий.

– Почему бы нет?

– Отец сказал мне, что это невозможно. Похоже, для современных людей невыносима мысль, что у них над головой болтается водородная бомба⁷. Хочется знать почему, особенно если посмотреть, какими они пользуются опасными штуками, хотя в них даже нет ничего красивого! Отец говорит,

---

⁷ Оболочка классического дирижабля наполняется газом, который легче воздуха; в прошлом чаще всего использовался водород.

что я не имею ни малейшего представления о реальности.

– А вы как считаете?

– Хорошо бы сначала понять, что такое реальность для моего отца.

И у того и у другого с реальностью было очевидно плохо, чего я ему говорить не стала.

Этот недостаток у Грегуара Руссера представлялся мне, однако, более серьезным, поскольку, зарабатывая несметную кучу денег, он полагал, что близок к реальности.

Однажды дверь мне открыла шикарная женщина лет сорока.

– Наконец-то мы встретились! – воскликнула она. – Мой сын так много о вас рассказывал.

– Добрый день, мадам, – ответила я, не рискнув добавить, что ее сын не рассказывал мне о ней ни разу.

Она сообщила, что Пий придет с минуты на минуту. Я украдкой посматривала на нее, надеясь, что мое любопытство не слишком заметно. Она же безо всякого стеснения уставилась на меня в упор, разглядывая мою персону в мельчайших деталях.

– Мне очень нравится ваша юбка. Можно потрогать?

Не дожидаясь ответа, она села рядом со мной на диван и пощупала ткань моей юбки.

– Очень оригинальная модель. Разумеется, чтобы такое носить, нужно быть изящной. Сколько вы весите?

Посыпались нескончаемые вопросы. Мучаясь от неловкости, я отвечала на них, пока не сообразила, что лучший способ обороны – нападение.

– А чем вы занимаетесь, мадам?

Она восторженно улыбнулась и изобразила внутреннюю борьбу со скромностью, прежде чем признаться:

– Я коллекционерка.

Она сделала паузу, уверенная в том, что с моей стороны прозвучит следующий вопрос. Он и прозвучал:

– Что вы коллекционируете?

Кароль Руссер побежала за своим ноутбуком и, набрав несколько паролей, показала мне фотографию соусника.

– Вы коллекционируете соусники?

– Нет, что вы, какая вы шутница! Я коллекционирую предметы из фарфора. Этот соусник – мое последнее приобретение. Он принадлежал королю Баварии Людвигу Второму.

Я сочла, что соусник – наименее увлекательный способ познакомиться с правлением Людвигу Второго Баварского, но сказала нечто любезное типа “Потрясающе!”.

– Правда же?

Неутомимая мать моего ученика принялась показывать мне фотографии внушительного количества чашек, блюдец, тарелок, кувшинов, компотниц, которые покупала у знатнейших семейств. Первые четверть часа я думала, что умру со скуки. Вторую четверть часа я об этом мечтала.

– А где вы храните все эти восхитительные вещи?

– В каком смысле?

– Такая коллекция наверняка занимает много места и требует специальных мер безопасности.

Мадам Руссер озадаченно похлопала глазами, потом жестом отмела изреченную мной чепуху:

– Эти соображения меня не касаются.

– Несомненно, у вас есть помощник, который берет это на себя.

– Не пойму, о чем вы, – сказала она не без раздражения.

И вдруг до меня дошло:

– Вы никогда не держали в руках ни один из этих предметов! Вы купили их в интернете, и они по-прежнему там.

Это “там”, означавшее некое весьма неопределенное местоположение, и было камнем преткновения.

– Разумеется, – ответила она, досадуя, что я могла хоть на миг подумать иначе.

– Вы полагаете, что все современные коллекционеры поступают так же?

Она удрученно посмотрела на меня, как бы недоумевающая, с чего я интересуюсь такими глупостями, и вздохнула:

– Возможно.

– Поразительно! Интернет изменил мир до неузнаваемости. Раньше коллекционеры были маньяками, берегли свои сокровища как зеницу ока, держали под строжайшей охраной. А сейчас им достаточно владеть картинками из интер-

нета.

– Кому вы это говорите?

– Самой себе. Я задумалась о том, прогресс ли это.

– Пойду скажу сыну, что вы у нас, – сказала она и встала, довольная, что нашла предлог покинуть столь несуразную особу.

Полчаса назад она говорила мне, что Пий будет с минуты на минуту. На самом деле, если бы я пришлась по вкусу Кароль Руссер, она так никогда и не сообщила бы сыну о том, что я здесь.

Когда он появился, у него был смущенный вид человека, чей постыдный секрет выплыл наружу.

– Вы виделись с моей матерью.

Я кивнула.

– Извините. Наверно, она действительно хотела с вами познакомиться.

– Это естественно.

– Что вы о ней скажете?

– Разве у меня могло сложиться какое-то мнение за столь короткое время?

– Вы лжете. Из вежливости. Моя мать – идиотка.

– Не надо так говорить.

– Почему? Потому что это не принято?

– Вот именно.

– Ну и пусть. Вам я просто не могу не сказать: моя мать –

идиотка. Понимаете, отец – не дурак, но я его презираю, и мы даже не в состоянии поговорить друг с другом, чтобы не начать сразу орать. Моя мать не злая, но что я могу думать о женщине, до такой степени тупой? Мне было восемь лет, когда я понял, что она дура. Мне было двенадцать, когда я понял, что мой отец – гнусный тип.

Я чувствовала себя не в своей тарелке, оттого что нас подслушивал вышеупомянутый гнусный тип, и постаралась сменить тему:

– У вас есть друзья?

– В Брюсселе? Я здесь всего два месяца.

– Иногда этого хватает.

– В моем случае не хватило.

– А раньше у вас были друзья?

Он пожал плечами:

– Я так считал. Но когда видишь, что за два месяца разлуки почти ничего не остается от дружбы, длившейся десять лет, позволительно в ней усомниться. Короче, я один. Еще и потому я так дорожу нашим общением. Но можно ли назвать это дружбой?

– Пожалуй, не стоит искать название, – осторожно ответила я.

– У нас в лицее была работа по “Красному и черному”. Я получил лучший балл, девятнадцать из двадцати. Отвечая на некий поставленный перед нами глупый вопрос, мы должны были изложить свои мысли о книге. Я вспомнил теорию, ко-

торуую вы упоминали, что всякий роман – это или “Илиада”, или “Одиссея”. Я написал, что Жюльен – это Одиссей, мадам де Реналь – Пенелопа, а Матильда – Цирцея, ну и так далее.

– Браво!

– Все это благодаря вам. Без вас у меня был бы ноль шансов получить такой балл.

– Вы сумели осмыслить и применить то, что от меня узнали. Не преуменьшайте свои заслуги. Вы очень умный человек.

Он смутился, умолк и опустил голову:

– Отец тоже мне сказал, что я умный. Но прибавил, что толку от этого никакого.

– Он, скорее всего, имел в виду, что не следует подходить к уму утилитарно.

– Вряд ли. Такие взгляды не в его духе.

Это была мука мученическая – поневоле защищать негодяя, потому что он нас подслушивает.

– Теперь мы должны читать Кафку, “Превращение”, – сообщил он.

Я не стала говорить ему, как люблю эту книгу, и попрощалась.

– Урок только начался, – запротестовал он.

– Никто не мешал вам выйти ко мне вовремя, – ответила я.

Грегуар Руссель, ясное дело, перехватил меня у выхода.

– Хвалю, особенно за финал. Нынешняя молодежь не может не опаздывать.

– Я молодая, и я пунктуальна.

– Да. Но вы...

Сколько раз мне приходилось это слышать! Будь то от родителей или от друзей. “Да. Но ты...” Я никогда не требовала разъяснений по поводу этого комментария с не слишком приятным двусмысленным подтекстом.

– Извините, что моя супруга сцапала вас.

– Вы и тут подсматривали? Кого вы опасались на сей раз?

– Я просто оторопел. Это было так неожиданно.

– Разве? Это же в порядке вещей – познакомиться с матерью своего ученика, а не только с отцом.

– Согласитесь, что она довольно своеобразная, – сказал он, вручая мне гонорар.

– В чужом глазу соринку видим...

Я с удивлением обнаружила, что жду завтрашнего дня с нетерпением. И все время пыталась вообразить реакцию Пия на “Превращение”. Сама я в пятнадцать лет пришла от него в экстаз.

Переходный возраст – всегда своего рода вариация “Превращения”, размышляла я. Но имелись и многочисленные примеры обратного. Я знала мальчиков и девочек, которые прошли переходный возраст по-королевски: красивые, солнечные, они были воплощенным отрицанием трудного отро-

чества.

Если вдуматься, их пример непоказателен – просто неизбежная статистическая погрешность. Они напоминали мне уцелевших ветеранов битвы на Сомме⁸. Пубертат – что-то вроде кровавой бойни, эксцесс дарвинизма. Это, несомненно, ошибка эволюции в том же смысле, что и подверженный воспалению аппендикс.

Когда я силилась разобраться со своим собственным конкретным случаем, внутренний голос обрывал меня: “Перестань считать, что ты уцелела. Что общего между прелестной девочкой и унылой девицей, в которую ты превратилась?” И мне еще сильно повезло по сравнению с Пием! У меня были хорошие родители, не извращенцы и не придурки. Мое взросление обошлось без драм. Моя трагедия оказалась самой обычной, из тех, что переживают все: мне было около тринадцати лет, и это вдруг произошло в одну секунду. В моем мире внезапно развеялись чары.

Я помню, как пыталась возродить магию и бросила через несколько минут: “Бесполезно, теперь это будет сплошная фальшь”. Тринадцать лет я жила как в сказке, и хватило пустяка, чтобы волшебство растаяло. Это было непоправимо.

Поэтому в пятнадцать, когда я прочла “Превращение”, оно стало для меня откровением. Проснуться однажды утром в образе гигантского насекомого – да, все происходи-

---

⁸ *Битва на Сомме* – кровопролитное сражение в ходе Первой мировой войны, в котором было убито и ранено более миллиона человек.

ло именно так. В других романах переходный возраст выглядел сплошной фикцией: они повествовали только об уцелевших на Сомме. До Кафки никто не осмеливался сказать, что пубертат – это мясорубка.

Мне казалось, что у Пия отрочество кошмарное, не сравнить с моим. У нас с ним все складывалось по-разному, но он не может не узнать себя в Грегоре Замзе.

Доната расспрашивала меня о семействе Руссеров, умирая от любопытства. Когда я рассказала ей, что встретила с мадам, она засыпала меня вопросами и при каждом моем ответе выла от смеха. Я не стала напоминать ей про соринку в своем глазу и бревно в чужом, хотя это естественным образом напрашивалось.

– Зря я прочел четвертую сторону обложки. Узнав, что героя зовут Грегуар, я чуть не отшвырнул книгу. У меня такая аллергия на отца, что если мне даже случайно попадается его имя, я сразу начинаю чесаться.

– Его зовут Грегор, а не Грегуар.

– В моем издании имя тоже переведено на французский, поэтому он там Грегуар. В общем, я все-таки прочел книгу залпом – по-другому ее читать невозможно.

– Согласна с вами.

– То, что там написано, – правда от первого до последнего слова. Я все время повторял про себя: “Вот-вот, так и есть, так оно и есть”. Все так реагируют?

– Насчет всех не знаю. Что касается меня, то я реагирую-

вала, как вы.

– Хоть вы и девушка?

– Разумеется, – засмеялась я.

– Не обижайтесь. Единственная женщина, которую я знаю, – это моя мать. Не беспокойтесь, я никогда не судил по ней обо всех женщинах.

– Переходный возраст у девочек проходит иначе, чем у мальчиков, но он такой же мучительный, если не хуже.

– Почему вы мне это рассказываете?

– Потому что вы только что прочли “Превращение”.

– Ну и что? Это не про переходный возраст.

– Да?

– Это про участь, уготованную сегодня личности вообще. Ваша трактовка слишком оптимистична. Быть вынужденным забиваться в угол как раненое насекомое, беззащитное перед первым встречным хищником, то есть почти перед всеми, – удел не только подростков.

– Что вы об этом знаете, Пий?

– Что вы об этом знаете, Анж? Девятнадцать лет – еще тоже отрочество.

– Я считаю себя взрослой с тех пор, как мне исполнилось восемнадцать.

– Вы думаете, и другие так вас воспринимают?

– Мне достаточно моего мнения.

– Вы смешная. И что, теперь, когда вы взрослая, вам лучше?

– Мы здесь не затем, чтобы говорить обо мне.

– Да, удобная увертка. А я убежден, что вам так же тошно, как три года назад.

– Я жива.

– Хороший ответ на мой вопрос, заданный минуту назад.

Вы выбрали жизнь. Я не уверен, что последую вашему примеру. Нет, я не собираюсь играть в самоубийц. Зачем этот бесполезный героизм? Просто я не стану через три года блестящим студентом, способным давать уроки чего бы то ни было молокососу вроде меня.

– Вы еще пока не знаете.

– Бросьте этот цирк. Он меня достал.

– Откуда вы взяли, что в шестнадцать лет мне не было ужасно скверно?

– Я не о вас. В “Превращении” меня восхитило то, что проклятье, обрушившееся на Грегора, не воспринимается как временное. Никто не говорит ему: “Ничего, пройдет”. И это действительно не проходит.

– В его случае.

– Значит, в вашем случае прошло?

– Повторяю: речь не обо мне.

– Проще всего вот так уйти в кусты. Кафка написал это в тысяча девятьсот пятнадцатом году, во время ужасной войны, ознаменовавшей начало двадцатого века. С тех пор вот она, судьба человечества: все живое воспринимается как какое-то кишение насекомых, которому надо положить конец.

Двадцатый век – начало планетарного самоубийства.

– Вы не слишком хватили?

– Не нахожу. Вы занимаетесь со мной, и я вам благодарен, вы мне очень много даете. Тем не менее, на мой взгляд, проблема у вас, а не у меня.

– Вы собираетесь меня излечить?

– Разумеется, нет. Ваша болезнь для вас спасительна. Если бы вы не пребывали до такой степени во власти иллюзии, вы бы не были так интересны.

Я улыбнулась.

– Я читал, что Кафка конфликтовал с отцом, – продолжал он. – Еще и поэтому, я думаю, люди в нем видят выразителя подростковых переживаний.

– Я теперь называюсь “люди”.

Пий пропустил мою реплику мимо ушей и продолжал:

– Неприятие отца свойственно не только подросткам. Я ненавижу в своем отце вовсе не его отцовство, а судьбу, которую он мне готовит: начиная с двадцатого века наследие, которое оставляет нам предшествующее поколение, это смерть. Но смерть не мгновенная: сначала предстоит долго чахнуть и трястись от страха в положении раненого таракана, пока тебя не прихлопнут.

– Если ваш отец хочет для вас чего-то подобного, то зачем он меня нанял?

– По глупости.

– У вас на все есть ответ, – засмеялась я.

– Это плохо?

– Это говорит об ограниченности. Нефальсифицируемое, непроверяемое суждение утверждает само себя⁹. Оно замкнуто в себе, что есть определение идиотичности.

– Я идиот?

– В том смысле, в каком это слово употребляет Достоевский, да.

– Принимаю.

– Отлично. Будете читать “Идиота”.

– Что? С Кафкой уже покончено?

– Как раз наоборот, ведь мы начинаем Достоевского.

– Его нет в программе.

– Забудьте о программе! Давно проехали.

– Но я еще даже не успел переубедить вас насчет “Превращения”.

– Вы замечательно говорили о Кафке, рассуждали о нем со страстью, что для меня важнее всего.

Я встала.

– Вы уже уходите? Урок только начался.

– Вы уверены, что это измеряется в минутах?

– Если вы хотите уйти, предпочитаю вас не удерживать.

Но мне жаль, что вам этого хочется. Вы не любите, когда с вами не соглашаются, да?

---

⁹ Отсылка к теории Карла Поппера (1902–1994), выдвинувшего принцип фальсифицируемости, согласно которому умозаключение является научным, если существует методологическая возможность его опровержения.

– Ничего подобного. Раз и навсегда запомните, Пий: литература не есть искусство приводить всех к единому мнению. Когда я слышу от человека: “Я согласен с «Мадам Бовари»”, – я прихожу в отчаяние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.